

Михаил Жванецкий

Предисловие к книге М.А. Булгакова «Собачье сердце»

Первое впечатление.

Ужас!

Швондеры!

Им показалось...

Что они могут возглавить...

После погромов им так показалось.

Мейерхольду показалось, что он может ставить.

Ученым-генетикам показалось, что они могут...

Всем им недолго осталось.

И дело не во враждебности.

То и другое просто было мышлением.

А страна превратилась в съезд одной личности.

Профессор Преображенский никуда не уехал.

Не успел.

Он просто переехал в шарашку и занялся переоборудованием полевых кухонь.

Семь комнат больше никогда ни у кого не было.

Был крик:

– Жванецкий, вы развязно сидите на собрании!

– Как можно развязно сидеть?

– А вот сядьте смиренно и неподвижно.

Швондеры опять участвовали в судебных процессах, но уже как подсудимые.

Лечение вождя их не спасло.

Пролетариат был главным до изобретения атомной бомбы.

Потом ученые получили квартиры в лесу и коттеджи в Арзамасе-16.

И возможность сделать что-то на пределе человеческих возможностей для уничтожения человеческих возможностей.

А все домкомы, завкомы, профкомы, райкомы стали крикливыми судами в полувоенной форме.

Сапоги, портупея, кобура.

Если сапоги начищены – идем в театр.

Замызганные – сопровождение эшелона.

Авто заводили ведром, кипятком, вторым аккумулятором.

Где была конкуренция, там мы были первыми.

В ракетах.

И последними в производстве лекарств.

Мужчины жили до 58 лет.

И, казалось бы, в расцвете сил по статистике надо было умирать.

У них в жизни было временное освобождение в виде Отечественной войны. Когда очевидно преимущество свободы. Оставшиеся в живых стали профессионалами и победили с большим преимуществом.

Домой привезли авторучки, невиданные закрутки, автомобили типа «Москвич».

Мой дядя моей маме привез целый зубо­вра­чеб­ный кабинет.

А мечта Булгакова в словах профессора Преобра­женского:

– Можете уплатить?

– Могу.

– А почему не платите?

– Не хочу.

– Можете уплотниться?

– Могу.

– А почему?

– Не хочу. Под наркозом не буду хотеть. Ибо не хочу – и всё.

Я компанию себе выбираю сам.

Другого ассистента не хочу.

Другой кухарки не хочу.

В мозгах наших людей это не укладывалось.

Ты разве чего-то можешь не хотеть сам?!

Но кое-кто мог.

– Не хочу оперировать жену в Кремлевке, – заявил член Политбюро, министр обороны.

И из Барнаула привезли профессора на истреби­теле МИГ.

1200 километров в час.

Из Барнаула, где не мешали оперировать...

Он мне сам это рассказал.

Жив до сих пор.

А Михаил Афанасьевич Булгаков был последний великий русский писатель, случайно попавший в со­ветское время.

И переживший его навсегда.
Но и ему показалось.
Уж если Сталину понравились «Дни Турбиных»!..
Но нет! Не надо!
Хватит исключений.
Всё было изрублено.
Даже что-то о Сталине в Батуми...
Не захотел вождь.

– Чувствуется, что товарищ Булгаков пакривил душой. Зачем? Такой талант... Лучше еще раз сходим на «Дни Турбиных».

Кому дано поймать перемещение мысли вождя?

Вожди безошибочно чувствуют талант и безошибочно чувствуют его непредсказуемость.

И патологическую тягу к правде.

Не надо, товарищ Булгаков!

И пережил намного вождь гения.

И до сих пор скучает население по вождю.

И до сих пор считает, что гений написал достаточно.

Хотя мог бы и больше.

